

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ
ГОСУДАРСТВО**Патриотизм и национализм**

Итоги выборов 2003 г., и в частности успех на них ЛДПР и "Родины", вспыхивающие то здесь, то там проявления бытового национализма, активизация так называемых национально-патриотических движений вызывают озабоченность общественности. Проблемы соотношения национализма и патриотизма, трактовки лозунга "либеральной империи" и ряд других стали предметом обсуждения на заседании фонда "Либеральная миссия", возглавляемого **Евгением Григорьевичем ЯСИНЫМ**. Вниманию участников были предложены доклады двух оппонентов – **Эмиля Абрамовича ПАИНА** (Центр этнополитических исследований Института социологии РАН) и **Аркадия Алексеевича ПОПОВА** (Аналитическая группа "Меркатор"). В обсуждении докладов приняли участие **Анатолий Леонидович АДАМИШИН** (Ассоциация евроатлантического сотрудничества), **Денис Викторович ДРАГУНСКИЙ** (Институт Национального Проекта "Общественный договор"), **Сергей Константинович ДУБИНИН** (РАО "ЕЭС России"), **Владимир Ильич ИЛЮШЕНКО** (дискуссионный политический клуб "Московская трибуна"), **Виктор Борисович КУВАЛДИН** (Горбачев-фонд), **Отто Рудольфович ЛАЦИС** (газета "Русский курьер"), **Сергей Сергеевич МИТРОХИН** (партия Яблоко), **Вячеслав Алексеевич НИКОНОВ** (фонд "Реформа"), **Андрей Андреевич ПИОНТКОВСКИЙ** (Центр стратегических исследований РАН), **Виктор Меерович ПОЛТЕРОВИЧ** (Центральный экономико-математический институт РАН), **Марк Юрьевич УРНОВ** (фонд "Экспертиза"), **Анатолий Борисович ЧУБАЙС** (РАО "ЕЭС России"), **Игорь Григорьевич ЯКОВЕНКО**. Наиболее интересные моменты обсуждения, отражающие различные, часто противоположные, позиции участников обобщены заместителем главного редактора **Наталией Михайловной ПЛИСКЕВИЧ**.

Е.Г. Ясин: Тема нашего обсуждения – что такое патриотизм в сегодняшнем понимании. Есть ли у определенных групп людей или общественных организаций право называть себя патриотическими? Или же патриотизм – интимное чувство, которое проявляется в делах и не терпит рекламы? В связи с этим возникает вопрос угрозы радикального национализма, способ ее оценки и реакции на эту угрозу. Все эти проблемы имеют довольно глубокие корни, и идея исторической миссии России по спасению человечества в определенных кругах до сих пор не утратила актуальности. Все мы несколько шокированы тем, что националистические и популистские партии получили в Думе гораздо большее представительство, чем ожидалось. Поэтому я хотел бы задать вопрос: опасен ли умеренный национализм, который не декларирует ксенофобию, но склонен искать виноватых среди инородцев? Кроме того, в дискуссии хотелось бы затронуть и "русский вопрос", и проблемы национализма этнических меньшинств, и связь национальных проблем с проблемами федерализма.

Э.А. Паин: Мне представляется важным обсудить один из основных для современной России вопросов о ценностном и политическом самоопределении либерального движения: с кем вы – с теми, кто выступает за *империю*, то есть за *государство подданных*, основанное на подавлении и подчинении, или за *государство-нацию*, то

есть за *государство граждан*, объединяемых взаимными интересами и самоорганизацией? И если вы не хотите сплотиться "за", то, может быть, сплотитесь хотя бы "против"? Я имею в виду сплочение демократических и либеральных сил перед угрозой усиления идеологии *имперского шовинизма*. На мой взгляд, это более точное название опасности, которую сегодня чаще обозначают как национал-социализм. Замечу, что в современной России почти две трети опрошенных видят "врагов государства" в представителях других народов, живущих на территории страны, при этом лозунг "Россия для русских" поддерживают около 60% опрошенных, что почти в 3 раза больше, чем, скажем, во Франции в период наивысшей популярности Ж.-М. Ле Пена. К тому же в России уровень ксенофобии нарастает беспрецедентно высокими темпами, и она вместе с неосоветскими геополитическими амбициями является пока единственным инструментом политической мобилизации масс.

В теории модернизма и в современных политических теориях нации одним из основных постулатов является утверждение о неизбежном переходе от государств имперских (подданических) к государствам национальным (гражданским). В этих теориях понятия "империя" и "нация" используются как идеальные типы, во многом очищенные от исторической конкретики. По сути, речь идет о сравнении двух моделей или двух проектов, в названиях которых термины "имперский" и "национальный" имеют вспомогательное значение и могут быть заменены на другие, скажем, "вертикальный" и "горизонтальный" проекты организации жизни полиэтнических сообществ. При этом *"имперский проект"* вертикальной организации многонационального, полиэтнического сообщества, основан на неравноправных отношениях между метрополией и колониями, между главным народом (в лучшем случае "старшим братом") и прочими, а также на насилии. *"Национальный проект"* предусматривает горизонтальную организацию полиэтнического сообщества, основанную на равноправии. Здесь нет главных и второстепенных народов и культур: действует принцип "заинтересованной интеграции", то есть субъекты объединяются и функционируют на основе прежде всего взаимного интереса, а не принуждения.

"Причем здесь нация?" – может спросить человек, привыкший к русскому или арабскому толкованию этого слова как синонима этнической общности. Но дело в том, что теоретики рассматриваемых проектов используют другой язык, в котором дается гражданское толкование нации. Постепенно это толкование проникает и в Россию – в зарубежных паспортах российских граждан рядом с русским словом гражданство стоит его английский вариант "nationality". Правда, пока у нас лучше приживается этатистский вариант понятия нация, рассматриваемого как синоним государства, что отражает устойчивость подданического сознания у значительной части россиян.

Представления о нации, господствующие ныне в западных обществах, на мой взгляд, удачно выразил один из виднейших теоретиков гражданской теории нации К. Дейч, еще в 1950-х гг. сказавший, что нация – это общество, овладевшее государством, превратившее его в инструмент реализации своих общественных (то есть национальных) интересов. Понятно, что сегодня мы дальше от такого типа нации, чем были еще 5–6 лет назад, и уровень влияния общества на государство продолжает уменьшаться. Традиционалисты, сторонники имперского проекта отстаивают идею огосударствления нации (общества), тогда как модернисты, напротив, предлагают проект национализации (обобществления) государства. Если государство не будет национализировано, то его могут приватизировать в своих интересах те или иные корпоративные группы, для которых лозунги этнического национализма станут лишь прикрытием.

Дискуссия между традиционалистами и модернистами вовсе не сводится к тому, что одна сторона выступает за сильное государство, а другая поддерживает анархию. Ее суть – в различии понимания того, в чем состоит сила государства: в интенсивности подавления и подчинения (имперский мотив) или в способности заинтересовывать общество и развивать инициативу его членов (либеральная идея).

Наиболее адекватной для полиэтнических сообществ формой "государства-нации" выступает федерация. В ней функции и полномочия распределяются не по ко-

личественному принципу (центру – больше, регионам – меньше), а по качественному – одни функции у центра, а другие у субъектов. Эти функции и полномочия сочетаются по принципу не соподчинения, а взаимодополнения и приводятся к соответствию посредством диалога и судебных процедур. В моей концепции оценка отношений "имперского" ("вертикального") проекта и "национального" ("горизонтального") проводится прежде всего на основе сравнения нынешней стратегии "усиления вертикали власти" с теоретически возможной и осуществляемой на практике во многих странах мира стратегией федерализации государства.

На мой взгляд, принципиально неверно распространенное у нас отождествление глобализации и империализма. У этих внешне сходных явлений разная природа. Империализм основан на прямом, насильственном захвате территории, а самое главное – на политике насильственного их удержания. Глобализация же не захватывает территории силой, она распространяет свое влияние, предлагая новации: включитесь в наш Интернет, возьмите наши инвестиции, приобщайтесь к нашим культурным ценностям; возьмите или откажитесь – у вас есть право выбора.

Так же легко заметить различия между принудительной и добровольной интеграцией. Для вступления в ЕС страны выстроились в очередь, они предъявляют на входе "чистые руки" и "вымытые уши": изменения в законодательстве о правах человека, защите меньшинств и другие доказательства соответствия высоким стандартам ЕС. В это же время СНГ держится во многом на принуждении и угрозах: посмеете уйти – отключим рубильник и поможем вашим сепаратистам, то есть не гарантируем сохранение целостности вашего государства.

Несколько лет назад А. Кара-Мурза удлинил диаду "имперское–национальное" и превратил ее в триаду "этнократическое общество – имперское общество – национальное общество". Этнократическое общество основано на власти крови, имперское – на подданничестве, а национальное предстает демократическим государством с гражданским обществом. Он хорошо показал, что империя традиционна и архаична только по отношению к нациям, а в отношении к этнократическим обществам может рассматриваться как передовая форма социума. В связи с этим возникает вопрос: стоило ли разрушать империи, если после них начинаются кровная резня, межэтнические войны? Может быть, нам стоит возвратиться к имперским формам, чуть-чуть их смягчив, "либерализовав"?

То же можно сказать и об авторитарных режимах. Если возможна "либеральная империя", то возможна ли "либеральная диктатура"? Такой была диктатура П. Диаса в Мексике, но после того как он ушел, почти 10 лет в стране бушевала революция, чуть ли не на половину сократив ее население. Однако счет за эту кровь нужно предъявить не только революционерам, но и Диасу, ибо он на десятилетия спеленал саму возможность общественной самоорганизации.

Рахитичность постимперских, поставоритарных государств была врожденной, обусловленной имперским генотипом в такой же мере, как и взрыв этничности. В империях не могли сложиться другие формы самоорганизации людей, кроме простейших, первичных – племенных, этнических, религиозных. Попытка возродить империю (пусть и "либеральную") воспроизвела бы весь цикл развития слабых, больных, этнизированных демократий.

Противопоставление империи этнократическим государствам невозможно еще и потому, что они взаимообратимы. В XX в. мир сталкивался не столько с классическими империями, сколько с мутантами, соединяющими в себе образы как империи, так и этнократии. И лучший пример тому – Третий рейх. К сожалению, если воссоздастся наша третья Российская империя (две уже было), то, возможно, она будет напоминать именно Третий рейх. Предпосылки для этого есть. Тот же комплекс национальной униженности и восприятия прошедшего десятилетия как национального поражения, та же ностальгия по прошлым спокойным временам, тот же рост традиционалистского подданнического сознания, тот же рост ксенофобии.

Я говорю об этническом большинстве, о произошедших циклических изменениях политической активности, мобилизованности этнических общностей. Если в начале 1990-х гг. основную активность проявляли этнические меньшинства, то сейчас настал период этнического большинства. Если этнонационализм меньшинств был антиимперским, то у русских он проимперский, ностальгический. Его, скорее всего, опять сменит новый цикл роста активности меньшинств. Как правило, такой цикл заключается в себе период существования имперских вертикальных проектов, но пока до этого далеко. Мы не дошли до вершин роста русского этнического национализма. В политику приходят новые поколения, которые оказываются более ксенофобными, чем пожилые люди. Это, кстати, неординарное явление, потому что до того молодежь отличалась меньшей ксенофобией.

Маховик русского этнонационализма раскручивается, потому что в этом заинтересовано огромное количество сил. Этого хотят так называемые "левые": не случайно именно они возглавляют национал-патриотическое движение, а сейчас породили новые, откровенно националистические силы. Этого желает и Кремль со всей своей "вертикалью власти". В последнее время того же хотят и некоторые правые с их лозунгом то ли "имперского либерализма", то ли "либерального империализма". Поскольку пока это только лозунг, я не берусь судить, что за ним стоит, и слышал на этот счет по крайней мере четыре версии.

Версия первая: речь идет просто о встраивании России в современный миропорядок пакс-Америка. **Версия вторая:** нам нужно поспорить с Америкой за право экспортировать либеральные ценности, привить либерализм и цивилизацию не только в Чечне, но и где-нибудь поблизости. **Версия третья:** это просто стыдливая форма империализма, "Чечня, но без Буданова", или "губернизация России, но не по Жириновскому", а, как предлагает С. Кириенко, в форме укрупнения регионов. **Версия четвертая:** это просто эвфемизм лозунга "Мы за Путина", поскольку именно его политику можно охарактеризовать как либеральный империализм. Не знаю, какую из версий считать наиболее вероятной, и предлагаю оценивать не столько сам лозунг, сколько политические последствия его выдвижения. Я вижу в нем три основных недостатка.

Первый недостаток: *социальная неорганичность* – социальные группы, выступающие "за империю", терпеть не могут либерализм и особенно политиков, имена которых его символизируют, и, наоборот, люди либерального мировоззрения и слышать не хотят про империализм. Поэтому этот лозунг для либеральных партий не годится: "чужой" электорат он не привлечет, а "свой" отпугивает.

Второй недостаток: *перехват лозунга – признак слабости* в идеологическом споре. Во время "холодной войны", например, западные аналитики и пропагандисты специально подсчитывали, какая из сторон больше заимствует слов из лексикона противника. Понятно, на чьей стороне было преимущество в войне слов. Вот и сейчас, если либералы говорят об "империи" или "соборности" как о либеральных ценностях, то дела их, по-моему, плохи.

Третий недостаток: *этот проект неосуществим в принципе*. Во внешней политике либеральная упаковка не устраняет дурного запаха имперской насильственности. К тому же негативный смысл слов "империализм" и "колониализм" закрепился не только в обыденной речи и в языке науки, но и в актах международного права, поэтому любые попытки легитимизировать эти термины и придать им респектабельность обречены на неудачу. На внутреннем уровне "либерально-имперский" проект является не более чем имитацией активности, пропагандистским ответом на временный спрос людей на идеологема "сильной руки". На практике же "вертикаль" не стоит, потому что отсутствует страх, ушла в небывшие партийная дисциплина, а рассуждения о "ментальной предрасположенности русского народа к имперской державности" – чистый вымысел. Какая-то часть людей все еще хочет, чтобы государство о них заботилось, но все меньше людей верит в такую возможность и уж совсем редко проявляется желание быть "слугой царя". Растет желание людей быть независимым от правителей. И даже рост ксенофобии не может стать средством долговременной политической мо-

билизации в целях поддержки имперского проекта. Последнее доказывается на примере изменения настроений людей в ходе второй чеченской кампании.

Империи, хоть простые, хоть "либеральные" – плохи тем, что, представляя собой слишком жесткие конструкции, непременно рассыпаются. Сегодня признаков распада России как будто не видно (да она и не империя пока), между тем латентные процессы этнополитической мобилизации разных групп этнических меньшинств нарастают в ответ на рост имперской ответственности властей. Третий цикл раскачивания этнополитического маятника – "ответ меньшинств", о котором я говорил, – неизбежен. Вопрос лишь в том, будет ли он разрушительным, а это во многом зависит от национальной политики. Игра в перехват лозунгов мне кажется контрпродуктивной. Куда полезнее было бы ясно сформулировать либеральную альтернативу имперскому проекту, что объективно в интересах большинства населения.

А.А. Попов: Способна ли Россия уйти от своего имперского прошлого и, как некоторые считают, имперского настоящего, может ли она стать государством-нацией? Мне такая постановка проблемы кажется не вполне корректной. Я не вижу оснований империю противопоставлять нации в неэтническом понимании, на котором настаивает Э. Паин, нации как осознанному территориально-политическому единству граждан. Хотя бы потому, что империя также вполне способна дать такое единство. Более того, именно империя как специфический способ устройства государства во многих смыслах к этому приспособлена лучше других вариантов государственного устройства. Империи бывали разные: плохие и хорошие, тоталитарные и либеральные. Но даже самые плохие из них несли в себе нечто исторически ценное – все они так или иначе *работали на деэтнизацию человечества*. Имперская интенция может быть кратко обозначена этим словом – "деэтнизация". Деэтнизация власти морали, самосознания, национальной идентичности. Не уничтожение национальной идентичности вообще, а именно деэтнизация с выходом на более высокий уровень общечеловеческих ценностей.

Напомню, что среди жестких обвинений в адрес советской империи, наряду с обвинением в угнетении нерусских народов, было обвинение и в том, что она подавляла и собственно русское, разлагала русскую нацию, разрушала русское самосознание в этническом смысле. Такие мотивы, например, можно обнаружить у А. Солженицына. Думаю, в том числе и по этой причине он является столь убежденным противником того, чтобы Россия оставалась империей, начинала заниматься делами земного шара. Как к этому относиться – вопрос другой. Я не готов спорить с тем, что русским или чеченцем быть хорошо, а россиянином плохо, шотландцем или сербом хорошо, а британцем или югославом – плохо. Это нелепое извращение, просто потому, что мои доводы воспринимались бы многими оппонентами как святотатство.

Этническая идентичность – такой же костыль для духа, как, например, для многих религия. Это средство психологической защиты, инструмент утешения. Здесь я позволю себе кратко изложить основные аргументы в пользу альтернативной постановки вопроса дискуссии: не от империи – к нации, а от империи – к империи, от тоталитарной и незаконной империи – к империи либеральной, правовой.

Сначала об этимологии слова "империя". Оно происходит от латинского "imperium", что, как сообщают историки, в Древнем Риме означало не только императорскую власть, но и власть магистрата, республики, даже – власть вообще. Слово "император" тоже досталось нам в наследство от республики. Сперва это был лишь термин, обозначающий лицо, которому вверено военное командование, а также титул, который сами солдаты давали победоносному полководцу. Таким образом, в основе империи лежит политическая, в том числе военная, власть. А что лежит в основе всякого государства?

Какие признаки следует включать в понятие "империя"? Таких признаков не должно быть много. Первое: империя – это государство. Второе: империя – это полиэтническое государство, причем с каждым этносом может связываться определенная история, ареал его исторического расселения и обитания, страна – не в политическом, а в культурно-географическом смысле. И третье: одна из этих стран (реже две, как в Ав-

стро-Венгрии) при образовании государства, то есть исторически, является доминирующей; она именуется метрополией, все прочие – колониями. В чем конкретно выражается это доминирование, сохраняется ли оно после образования империи, как долго и в каких формах – уже частности.

То есть под империей имеет смысл понимать всего лишь государство, состоящее из метрополии и колоний. При этом самодержавие, милитаризм империи, национальное угнетение, эксплуатация одного этноса другим не являются атрибутивными признаками для империи. Что касается самодержавия, автократии, то, во-первых, очень многие империи были не монархиями или автократическими тираниями, а республиками. Иногда олигархическими, иногда – демократическими. Более того, некоторые из монархий, являвшихся и являющихся империями никак нельзя отнести к самодержавным. Классический пример – Британская империя. Сколь ни отвратителен был СССР, назвать послесталинский, послехрущевский режим самодержавным никак нельзя. Разумеется, это была совсем не демократическая республика, а, скорее, олигархическая. Китай после Мао Цзедунга тоже нельзя назвать самодержавным государством. Наконец, многие республики, по исторической традиции империями не называвшиеся, на деле были типичными империями. К ним можно отнести, например, Генуэзскую и Венецианскую республики. Таковыми являлись и являются США – это государство формировалось так же, как и все другие империи, причем его территория расширялась уже после освобождения от британского господства за счет Мексики, в результате войны с Испанией за Филиппины и т.д.

Теперь о милитаризме. Многие убеждены, что все империи создавались огнем и мечом. В древности так, по-видимому, и было. В минувшем тысячелетии – как правило, но не всегда. Были и есть империи, созданные с минимумом насилия, а то и вовсе ненасильственным путем. Чем ближе к нашему времени, тем больше уверенности, что так могут создаваться новые империи, а уже существующие будут и дальше эволюционировать по пути либерализации и минимизации насилия, как это, с некоторыми прискорбными флуктуациями, и происходит последнее столетие. Пример из наших дней – объединение Европы. Здесь, правда, возникает возражение, что ЕС – не империя именно потому, что он возник не насильственно, а на паритетных началах. Тогда я приведу другой пример – Германская империя О. Бисмарка, состоявшая из объединенных под крылом Пруссии германских королевств, вольных городов и прочих территорий. Бисмарк вел войны, но не против населения, а против конкурентов. Австро-прусскую, датско-прусскую войны население как раз поддерживало. Кстати, большую роль там играли либеральные партии. А колониальные захваты начались только через пятнадцать лет.

Наконец, о проблеме национального угнетения. Говорят, что раз колонии в империи удерживаются без права выхода из нее в одностороннем порядке, значит, в сущности империи имманентно включено насилие. Это верно. Но всякая власть есть определенное насилие над теми, кто не готов исполнять ее законы. Более того, всякое право есть насилие, ибо оно обязывает кого-то к чему-то, как минимум, к соблюдению прав другого. И никого не удивляет, что любое государство не поощряет сепаратизм вообще, ни этнический, ни клановый, земляческий, как, например, если Приморский край захочет выйти из состава Российской Федерации. Однако особенно болезненно воспринимается реакция на этнический сепаратизм, потому что он попирает право наций на самоопределение. У населения Приморья такого права нет, а у населения Чечни или Тувы – есть, потому что это уже не просто население, а "народ-нация".

Что представляет собой это право с точки зрения либерализма? Кто его субъект? Если речь идет о нации, народе, этносе, общине, то при чем тут либерализм? Ценности либерализма касаются свобод и прав личности, а не масс, какими бы словами эти массы ни называть. Поэтому давайте попытаемся сформулировать данное право применительно к человеку, индивиду. Как это будет звучать? Каждый человек, относящий себя к этническому меньшинству, имеет право провозгласить государственный суверенитет территории, на которой он проживает, в границах, какие сочтет правильными. И никак иначе. Дальше полный теоретический и, увы, практический беспредел.

Что такое этнос, а значит, этнические меньшинства? Не знаем. То ли чеченцы-акинцы – этнос, то ли часть чеченского этноса, то ли часть еще более объемного вайнахского этноса, то ли общедагестанского этноса, то ли общероссийского этноса. Как провести границы той территории, на которой можно провозгласить государство? Уже в соседнем доме, в соседней деревне, в соседнем районе наверняка окажется человек, даже много людей, которые вовсе не жаждут воспользоваться этим правом, потому что этносы перемешаны часто так, что разграничить их можно только кровью, потому что не все представители меньшинств настроены сепаратистски. Что реально получается? Кому-то дают новую государственность, у кого-то насильственно отбирают старую. Неужели это либерализм?

В мире существует от шести до десяти тысяч этносов и только две с небольшим сотни государств. Их число сильно не увеличится. Подавляющее большинство этнических общин живут мозаично, их не отделить друг от друга. И совершенно точно подавляющее большинство представителей меньшинств этим правом физически не смогут воспользоваться. Сколько преимуществ получат от сепаратизма одни, столько горечи и унижения – другие. Отсюда следует, что право наций на самоопределение, в поправлении которого упрекают, как правило, прежде всего империи, – это *не право, а привилегия*. Не может считаться правом заведомо неуниверсализуемая свобода.

Позволю себе процитировать категоричский императив И. Канта: "Поступай так, чтобы правило твоего поведения могло стать всеобщим законом". Все, что под этот императив не подходит, строго говоря, аморально, преступно, ибо плодит ненависть, зависть и кровь. Империя отрицает и блокирует эту привилегию. В случае, если этот блок пытаются пробить, империя карает. И карает так, как государство (если это правовое государство) карает преступников. Лучше не доводить дело до насилия и предотвращать сепаратизм на ранних стадиях, но это уже вопрос, с одной стороны, искусства политиков, а с другой – здравомыслия и ответственности интеллектуалов, и прежде всего либералов.

В.Б. Кувалдин: Моя точка зрения гораздо ближе к точке зрения Попова, чем Паина. Я считаю разговор о движении от империи к нации не только пустым, но и контрпродуктивным. Прежде всего потому, что это ни в коей мере не академический поиск. Это *две идеологии*, которые родились в условиях острой политической борьбы с бывшим СССР в конце 1980-х гг.

Здесь много говорилось о том, насколько обманчив сам по себе термин "империя". Я думаю, что к бывшему СССР это относится втройне. Действительно, СССР был особой империей, у которой не было заморских территорий, которая была по своему типу гораздо ближе к таким континентальным империям, как Оттоманская или Австро-Венгерская. Принципиально важно, что Советский Союз был таким государственным образованием, которое так или иначе смогло пройти процесс модернизации и успешно сформировать тех наций, на базе которых и были образованы самостоятельные постсоветские государства. Поэтому сам по себе такой конструкт ничего не дает в теоретическом плане. Понятно, что это – идеологическое прикрытие, которое поначалу обосновывалось потребностями политической борьбы.

Столь же малопродуктивна идея национального государства. У нас огромные трудности с переводом мировых понятий на русский язык. Это особая проблема и одна из причин наших бед. Все-таки в английском языке nation state – не национальное государство, а нечто другое. Это – нация-государство. Здесь справедливо говорилось о том, что, строго говоря, не существует национальных государств и, скорее всего, их не будет. Дело не столько в том, что создается ЕС, а в том, что даже элементы, которые образуют ЕС, все меньше и меньше подходят под разряд национальных государств. Там появляются огромные этнические и религиозные меньшинства. Это очень большая проблема для ЕС, где уже в ряде стран образуются огромные этнические анклавы. Они не могут оставаться демократическими государствами, оставаясь на позиции государства национального.

Я думаю, это очень большая проблема и для Соединенных Штатов. У меня серьезные сомнения, что знаменитый американский "плавильный котел" способен "пе-

реплавить" испанозычных американцев, потому что их слишком много, они слишком компактны, за ними стоит большой и мощный культурный пласт. Более того, за ними стоит Латинская Америка, которая по своему весу и основным компонентам ничуть не меньше, чем англоязычная основа страны.

Поэтому лучше всего уйти от этой формулы, модели перехода. Нужно прийти к попытке построить демократическое государство, рыночную экономику и открытое общество, исходя из того, что у нас имеется. Я думаю, что в этом смысле наши стартовые позиции ничуть не хуже, чем у других стран. Надо присмотреться к тем странам, которые стартовали в еще более трудных начальных условиях и тем не менее решали эти сложнейшие задачи модернизации, исходя из своих возможностей. Я думаю, что здесь самый интересный пример – Индия, с ее этническим и религиозным составом, традициями.

А.Л. Адамишин: Национальный вопрос – часть более широкого вопроса: какое общество мы строим и как позиционируем себя на международной арене? Не так давно казалось, что Россия уже сделала свой цивилизационный выбор, но сейчас опять начинаются разговоры о ее самобытности, о "третьем пути". Меня это беспокоит, потому что, на мой взгляд, от этих разговоров – всего шаг до самоизоляции. Япония, Китай, Индия – не полуазиатские, а азиатские страны, но тем не менее они заимствуют у западной цивилизации не что-то маргинальное, а нечто существенное, определяющее эту западную цивилизацию, и успешно адаптируют заимствования к своим условиям. Не здесь ли секрет успеха этих стран? И не в этом ли неудача тех стран, которые не желают замечать, что западная цивилизация, при всех ее недостатках, многовековым опытом показала наилучшие результаты не только с точки зрения благосостояния государств, но и с точки зрения создания оптимальных условий для развития личности?

Мне кажется, что сторонники "особого пути" России *сознательно смешивают понятия "цивилизационный выбор" и "национальная самобытность"*. Выбор кардинального пути движения – не перечеркивание национальных особенностей. Китайцы используют очень многое из западного опыта, но остаются до мозга костей китайцами. Точно так же, как есть европейская цивилизация, одновременно существуют и ее итальянская, французская, немецкая и многие другие составляющие.

Как решаются сейчас в Европе национальные проблемы? Примерно так же, как мы пытались решить их в Советском Союзе, создавая новую форму общности – советский народ. Мы не смогли решить эту задачу, более того, уничтожаем то, что осталось положительного. Но мы не преуспели именно потому, что у нас не было тех компонентов, которые составляют основу для решения национального вопроса: рыночной экономики, демократии, гражданского общества. Франция и Германия десятки лет воевали между собой. Почему же сейчас они не имеют друг к другу территориальных претензий? Потому, что французам и немцам не столь важно, какой национальный флаг развивается в Эльзасе до тех пор, пока условия их жизни экономически, политически и граждански более или менее одинаковы, а границы открыты. Это и есть наш путь. Он долог и тяжок. Он – в кропотливом повседневном труде, направленном прежде всего на развитие рыночной экономики и построение подлинного демократического общества, где укрепление единства сочеталось бы с защитой многообразия. В этом случае национальные проблемы поблекнут на фоне равных возможностей для всех.

В.И. Илюшенко: В современном общественном сознании патриотизм намертво сцепляется с национализмом. Они никак не разделены, их путают, подменяют одно понятие другим. Националисты называют себя патриотами, и с этим все соглашаются. Националистам такая ситуация, естественно, удобна. На самом деле это прикрытие, потому что их патриотизм – проявление не любви к Родине, а ненависти к другим, будь то демократы, либералы, инородцы, инакомыслящие, инаковерующие, то есть, по выражению Д. Рогозина, "общечеловеки". Враги – это нерусские, хотя и русские в любой момент могут попасть в категорию врагов, если не согласны с националистами.

Патриотизм – нормальное человеческое чувство, не нуждающееся в оправдании. Другое дело, когда патриотизм идеологизируется и становится оружием в руках на-

ционалистов из интеллигенции, которую называют почвенной или традиционалистской. Но прежде всего этот имперский или неоимперский национализм является идеологией российской бюрократии.

Если же говорить о либеральной империи, мне представляется, что это очередная утопия, за которой стоит попытка соединить либерализм с патриотическим державничеством. Раньше мечтали о социализме с человеческим лицом, сейчас – об империализме с человеческим лицом. Думаю, ничего из этого не выйдет, а заигрывание с массовыми фобиями (это именно тот случай) достаточно опасно.

С.К. Дубинин: Существует ясный критерий оценки как реальной политики, так и теоретических политологических построений – приоритет экономических и политических прав личности, гражданские права населения. Если политическая практика или теоретические рассуждения строятся на иерархическом подчинении каким-то "высшим интересам", то такие построения чреватые подменой понятий, что часто происходило в отечественной истории, за интересы нации и государства выдаются сугубо личные интересы стоящей у власти правящей касты. Не элиты страны в широком смысле слова, а именно узкой группы правителей. Это не означает, что понятия "национальные интересы" не существуют. Пренебрежение к данной теме, собственно, и привело к захвату националистами таких понятий, как "патриотизм", "государственные интересы России". Либеральная экономика и либеральная политика – единственный способ обеспечения долговременных стратегических интересов России. С этих позиций я позитивно оцениваю лозунг "либеральной империи".

Существует старинная схема развития, согласно которой от государств-империй, где все подданные расставлены по местам на иерархической лестнице, в течение XIX и в начале XX в. вся Европа переходила к национальным государствам, основанным на принципах гражданского общества. И это считается явным историческим прогрессом. Использование термина "империя" в период Третьего рейха, претензии фашистской диктатуры на возрождение Римской империи, Советский Союз при И. Сталине, имевший все черты тоталитарной империи, оцениваются как простой возврат к прежнему. Однако это не соответствует реальности. К сожалению, национальные государства, наследники подданнической системы старых империй, оказались в XX в. неустойчивыми. И именно в них (Италия, Германия) после достаточно длительного периода развития демократии или же после краткого демократического эксперимента (Россия, Китай) рождаются тоталитарные диктатуры. Если они не сразу строятся на националистической основе, то вскоре этот элемент становится весьма заметным в политике тоталитарных империй XX в.

К сожалению, "право наций на самоопределение" без каких-либо ограничений способно переродиться в жесткое националистическое угнетение всех инородцев, что не связано с историческими древними империями. Это порождение национальных государств, которые не смогли последовательно осуществить принципы гражданского общества. Именно здесь сегодня реальная опасность для России. Парадоксальным образом некоторые черты старинных империй XIX в. могут дать примеры политических механизмов, обеспечивающих сотрудничество элит разного национального происхождения в едином государстве. Вспомним: и в Российской империи, и в Австро-Венгрии господствующее национальное большинство проявляло гибкость и терпимость, включая инациональную элиту в правящий класс.

М.Ю. Урнов: Я хотел бы отметить одну закономерность: когда в обществе постепенно уменьшается политическая свобода, интеллектуалы начинают обсуждать философские проблемы. Но пока мы обсуждаем нюансы таких глубоких терминов, как "цивилизационный сдвиг" или "империя", они уже используются для абсолютно банальных вещей. Называть себя патриотом стилистически отвратительно. Используется это для того, чтобы поиграть на темных чувствах населения и получить его поддержку. Но значение таких слов, как "патриотизм", "государственность", очевидно. Менее очевиден термин "империя".

Однако отвлечемся от философии и посмотрим на проблему проще. Какие эмоции будит слово "империя" в массовом сознании? Противопоставление "мы – они", причем пафосное и агрессивное. Типичный встроенный компенсаторный механизм комплекса неполноценного человека, неудовлетворенного своим положением. Если вы начинаете играть со словом "империя", неизбежно поднимается пласт нацификации этого понятия, национальной исключительности и т.д. Понятно, зачем представители правящей элиты этим занимаются. Появляется возможность говорить о власти как о чем-то святом, возможность сплотить нацию вокруг вождя и т.п. А еще при национализации понятия "империя" можно перераспределять собственность, брать у одних, "неполноценных", и отдавать "своим".

Не надо рассчитывать, что либерал, заигрывающий таким образом с массой, ей понравится. Имеет смысл осознать, что мы на очень долгое время остаемся в меньшинстве и надо честно защищать свои позиции и свои ценности, не упаковывая их в разного рода одеяния, которые к ним не подходят. Максимум, что мы можем сейчас сделать – быть честным с собой и с населением, закладывая на долгий срок представления о том, что такое ценность личной свободы, что такое уважение к личности. Такая стратегия со временем должна дать положительные результаты.

А.А. Пионтковский: Термин "империя" явно использовался сегодня в двух смыслах. Во-первых, как способ правления внутри Российской Федерации. Во-вторых, как некая проекция вовне, идея, охватившая весь российский политический класс, от Рогозина до Чубайса, идея доминирования на постсоветском пространстве, восстановления в той или иной форме российско-советской империи. Я буду говорить в основном о втором прочтении термина, потому что, на мой взгляд, это актуальнейшая внешнеполитическая проблема.

Прошедшее десятилетие Россия была занята борьбой против расширения НАТО и утверждением российских интересов на Балканах, хотя никто ни разу не сформулировал, в чем состоят эти интересы. Теперь с окончанием этой фазы деятельности почти все оперативное пространство нашей внешней политики становится постсоветским, и здесь мы будем проявлять наибольшую активность. Боюсь, что при сохранении сегодняшних установок наша внешняя политика обречена на еще одно, гораздо более серьезное поражение. Если в борьбе против расширения НАТО речь шла о фантомных вопросах, то сейчас речь идет об отношении к нам наших ближайших соседей.

Происходящее на наших глазах является третьей инкарнацией русской власти. И эта власть требует некоей экспансии вовне. Естественно, ощущается болезненный комплекс потери империи. Мне кажется, поможет историческое сравнение. Россия не первый раз теряет империю. Она потеряла ее в 1917 г., а в 1920 г. обессиленная, вышедшая из гражданской войны, в течение нескольких месяцев без видимых усилий с блеском ее восстановила. Почему это произошло и почему этого не произойдет сегодня? Потому что тогда голодная 11-я армия несла на своих штыках коммунистическую идею социальной справедливости и освобождения трудящихся. Идея была ложной, реализация ее оказалась преступной, но в то время ей поверили и ее поддержали десятки миллионов людей и на Кавказе, и в Центральной Азии. Пусть это даже было не большинство, достаточно было поддержки активного меньшинства. Сегодня же мы не можем предложить своим соседям никакой идеи, кроме разговора о нашем величии, о нашей исторической миссии, о предназначении нести цивилизацию в евразийские пространства и т.д. Обо всем этом мы прекрасно можем разговаривать на семинарах, но убедить в этом украинцев, грузин, молдаван, кого угодно – невозможно, поскольку им это не нужно.

Большой ошибкой нашей внешней политики, могущей привести нас к серьезному поражению, является выбор, который мы в той или иной форме навязываем странам бывшего советского пространства: или Россия, или Запад. Наши соседи будут вежливо нас выслушивать, но в конце концов выберут Запад.

По-моему, термин "либеральная империя" стоит забыть. Его появление, на мой взгляд, было неудачным электоральным ходом. Союз правых сил, раз в четыре года испытывая некую державно-патриотическую недостаточность, должен каждый раз прозвучать какими-нибудь державно-патриотическими лозунгами. Четыре года назад лозунг был другим: "Русская армия возрождается в Чечне". Сейчас, думаю, господин Чубайс постесняется повторить эту формулу вслух. Со временем, думаю, он забудет и о либеральной империи.

В.А. Никонов: В последние годы межнациональные отношения развиваются противоречиво. С одной стороны, межнациональные противоречия в нашей стране находятся на наименьшем уровне за все время существования России как самостоятельного государства, с другой – налицо рост этнического национализма, русского в первую очередь, что отражает очень опасную тенденцию. Единственное, что в этой ситуации утешает: в других местах ситуация еще хуже. Сейчас вообще Европа переживает острый приступ национализма.

Для России справедлива идея неизбежности трансформации имперского государства, основанного на принципе подданства, в государство-нацию, построенное на принципе осознанного территориально-политического единства. История Нового времени – это история создания государств-наций. В Западной Европе этот процесс начался в XVIII в. и продолжился в XIX в. В Центральной Европе он осуществился в начале XX в., а в Восточной Европе – в конце XX в. Распад СССР, создание России и других государств на развалинах СССР – процесс создания государств-наций, продолжение того процесса, который в Европе уже давно закончился, а в других частях земного шара еще зачастую и не начинался. Россия впервые уже стала государством-нацией. Причем государством именно этническим. Никогда русские не были большинством в стране. Сейчас в России оказалось русских больше, чем во Франции французов. Это новая реальность, и пока данный новый и важный факт нового российского государства и как следствие новой российской идентичности просто еще не осознан.

Но движется ли современная Россия к "третьей империи", которая унаследует традиции российской и советской империй? Все постимперские страны наследуют традиции империи. Британская империя существовала, и сейчас ясно, что Великобритания наследует ее традиции. Франция наследует традиции французской империи. Вообще, генетический код нации меняется не слишком быстро.

Возможны ли "либеральная империя" и "либеральный империализм"? Да, возможны. Большинство колоний в XX в. принадлежало либеральным демократиям. В начале XXI в. практически все оставшиеся в мире колонии принадлежат либеральным демократиям. А если сейчас под колониализмом и созданием либеральных колоний считать осуществление финансовой, экономической, информационной экспансии, то, конечно, эта экспансия осуществляется демократическими, либеральными странами.

Какой тип нации может сложиться в России: гражданский, при котором полиэтничное и мультикультурное гражданское общество овладевает государством, или этнический? Вообще-то полиэтнические и мультикультурные государства мы видим только в Новом свете. В Европе пока существуют этнические государства, которые стараются выйти за эти рамки, перейти к стадии создания постэтнических государств. Перспектив этого эксперимента мы еще не знаем. ЕС может превратиться в Соединенные Штаты Европы, но с тем же успехом может и развалиться через какое-то время. Это опасность даже обострилась сейчас, когда он включил в себя 10 государств, большинство из которых настроены гораздо более националистически, чем ядро ЕС. Мне кажется, Россия будет на данном этапе развиваться по этнической формуле. Потому что это единственная основа, на которой складывается национальное государство.

И последнее. Если говорить о формуле соотношения патриотизма и национализма, то мне больше всего нравится высказывание А. Камю: "Я слишком люблю свою родину, чтобы быть националистом". Что касается патриотизма, то в практическом, политическом плане я бы, наверное, сформулировал его так: это признание националь-

ных интересов своей страны приоритетными по отношению к национальным интересам других государств. Именно так понимают патриотизм элиты, правящий политический класс любой демократической страны.

А.Б. Чубайс: В сегодняшнем обсуждении я попробую зафиксировать три основных момента. Первый – содержательный, идеологический, выражающий суть. Вторым – политический. И третий, я бы сказал, реальный.

Концепция либеральной империи не допускает захвата территорий, нарушения принципа территориальной целостности, нарушения национального законодательства по отношению к соседям. Зато она включает в себя, во-первых, агрессивную экспансию бизнеса за пределы страны, поддержанную государственной политикой; во-вторых, поддержку государственной политикой русской культуры и русского языка за рубежом и в России; в-третьих, поддержку принципов прав человека и принципов демократии за пределами российской территории. В этом смысле я никогда не соглашусь с тем, что ценности свободы, прав человека, частной собственности исключают патриотизм и государственность. Для меня это абсолютно органичные вещи.

Я задумываюсь над тем, почему у большинства выступающих здесь сам термин "империя" автоматически воспринимается с негативной коннотацией. Каковы гносеологические корни этого явления? По-моему, они довольно просты. Дело в том, что история всего демократического движения, противостоящего советской власти и коммунистической идеологии, органично включала в себя и противостояние имперской составляющей советской идеологии. Это естественным образом привело к тому, что сегодня в совершенно других, изменяющихся условиях, мы унаследовали и данную компоненту. Отсюда вопрос: не пора ли нам пересмотреть свои взгляды? Не очень хорошо, когда сама терминология находится на уровне фразы "против имперско-шовинистического сознания". Это напоминает мне I съезд народных депутатов СССР с его лозунгом "против агрессивно-популярного большинства". Только он был в прошлом веке.

Я не поддерживаю тезис о том, что новая империя должна быть столь же ужасной и чудовищной, как две предыдущие – российская и советская. Вообще существование двух империй свидетельствует о том, что у этого явления фундаментальные географические, этнические, исторические, национальные корни. Эти корни ведут к А. Пушкину, написавшему в 1831 г. известное стихотворение "Клеветникам России", к декабристам. Корни идеи либеральной империи – в самом российском либерализме.

Мы живем в конкурентной среде. Если мы хотим просто отгородиться от внешнего мира и закладываем это в стратегию развития своей страны, мы должны быть готовы к тому, что внешний мир сам придет к нам. Я считаю, что за последние 12 лет российский либерализм прошел совершенно фантастический путь. 10 лет назад это было ругательное слово, сегодня это идеология, поддерживаемая значительной частью элиты. И я глубоко убежден, что будущее российского либерализма абсолютно предопределено его способностью резко расширять видение, отказываться от собственных идеологических шор, впитывать в себя все то, что сегодня просится быть воспринятым. Это то, что касается содержательной идеологической стороны разговора о либеральном империализме.

Теперь о политической стороне дела. В моем понимании события, произошедшие в декабре 2003 г., означают качественный сдвиг в политической структуре России. По сути, из очевидного двухмерного политического пространства "от левых к правым" мы вышли в трехмерное пространство за счет появления блока "Родина", который сумел акцептовать запрос, утерянный нами. Именно в этом базовая причина их успеха, за которым стоят целые социальные группы, в том числе малый и средний бизнес, средний класс. Такое понимание ситуации означает, что если мы всерьез говорим о нашей политической стратегии, о задаче преодоления поражения, то никакого иного пути в политическом пространстве не существует, кроме того, чтобы вернуть сделанное нами, вернуть то, что нам принадлежит. Нам нужно отнять у на-

ших оппонентов лозунги патриотизма, государственности, страшно сказать, державности и еще страшнее сказать – империализма. Если мы справимся с этой задачей, у нас есть шанс в 2007 г. восстановить наши законные права. В политическом пространстве я не вижу никакой иной стратегии, кроме этой.

Часто слышишь о том, что если либерал поддержан народом, то он не либерал. Но если либерал не поддержан народом, то он вообще никому не нужен. Тогда надо двигаться куда-то в сторону диссидентства, правозащиты – очень почетная и значимая функция. Много раз в своей жизни я слышал, что частная собственность и либеральная макроэкономическая политика в России невозможны. Но Россия 12 лет жила строго в соответствии с либеральными принципами, ничего, кроме либеральной идеологии, не управляло отечественной экономикой в течение всех прошедших 12 лет (с коротким перерывом на премьерство Е. Примакова). Именно в этом для меня залог ответа на тот же самый вопрос в политическом пространстве. Именно поэтому я считаю, что единственная стратегия победы 2007 г. основана на либеральной идеологии.

И, наконец, последнее. Давайте обсудим, что происходит в реальности. На пространстве пяти государств – Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана – идут потрясающие процессы, наблюдается полное перераспределение позиций и доминирующих ролей. Глубоко проведенные казахстанские реформы создают ситуацию, при которой казахстанский бизнес шаг за шагом подавляет и захватывает наиболее значимые базовые сектора экономики и в Узбекистане, и в Киргизии, и в Таджикистане, практически на всем среднеазиатском пространстве. Могут добавиться, что наша прямая конкуренция с казахстанским бизнесом привела к тому, что он последовательно захватывает некую российскую компанию под названием РАО "ЕЭС России". Единственный из бизнесов СНГ, который пришел в Россию, привел свой капитал, приобрел пакеты акций в целом ряде региональных энергосистем и сейчас находится с нами в жестком диалоге, это казахстанский бизнес. У них темпы роста ВВП 10–12%, пенсионный возраст 65 лет, частная собственность – 100%, частная собственность на землю – 100%, и т.д. Через 10 лет без разрешения казахов мы в Средней Азии не сможем сделать и шага. Вот что там происходит.

Я мог бы привести ряд примеров из нашей собственной практики в соседних государствах. В Грузии на старте нас встречали массовые демонстрации и большой гроб с надписью "Независимость Грузии". Сегодня президент, руководители парламента и правительства благодарят нас за то, что мы пришли в Грузию, за нашу работу там – работу российской компании. И это происходит в Грузии, где очень сложная история (в том числе новейшая) отношений с Россией. В Армении в студенческой аудитории в пятьсот человек при произнесении лозунга "Россия – либеральная империя" была массовая овация. Нам нельзя терять этот потенциал. Мало того, если вам не нравится либеральная империя с центром в России, вы получите либеральную империю с центром в Казахстане. Это к вопросу о реалиях, в которых мы сегодня живем.

И.Г. Яковенко: О проблеме патриотизма и национализма говорить достаточно трудно, потому что сами эти понятия теоретически плохо разработаны и не освоены, в том числе экспертным сознанием. На сегодняшний день это что-то синкретическое. При этом патриотизм, вещь положительная, хорошая, а национализм – вещь амбивалентная и даже, скорее, негативная. Да, русские либералы П. Струве или П. Милюков были империалистами. Сама по себе либеральная идея вполне сопрягается с идеей имперской. Надо только помнить о том, что национализм не есть метафизически застывшее явление. Это развивающийся историко-культурный феномен.

Если на рубеже XIX–XX вв. в России был имперский национализм, то в зрелую советскую эпоху, по крайней мере в политической жизни, можно фиксировать национально-большевистскую интенцию. Если сегодня мы можем говорить о некоторых тенденциях такого русского, имперски реставраторского национализма, то из этого никак не следует с необходимостью, что русский национализм как развивающееся явление обязательно будет имперским, реставраторским и будет не в ладах со временем. Самое главное, что сегодня (и последние 12 лет) переживает Россия, – расхождение между субъективным и объективным. *Россия переживает осознание и примирение с*

объективной реальностью. Как выясняется, президент Казахстана выражает казахские интересы, а не российские. Эти вещи надо осознать.

Я убежден, что по мере осознания реальности, изживания мифов, некоторого изменения самой ментальности, умения мыслить в парадигме интересов, будет меняться и содержание национализма. Эволюция российского национализма может прийти к некоторым вполне цивилизованным формам, которые могут быть адекватны гражданской нации и тому государству, которое будет формироваться в естественной ситуации. В этом смысле патриотизм как позитивное нечто и национализм как нечто онтологически опасное не противопоставлены. И то, что некоторые так называемые патриоты или имперские реставраторы приклеивают себе ярлык патриотов, а либералы в этой парадигме выглядят безнациональными космополитами, – лишь момент политической борьбы и идеологизации.

Сама по себе либеральная идея вполне соединяется с национальной при всех их внутренних различиях, и национализм сам по себе тоже развивается. Есть ситуации, когда возникает национальное сознание как таковое, понимание своих границ, своих интересов, своих пределов, осознание, что другие также имеют свои интересы, свои права, свои границы. В таких условиях формируется нормальный и естественный национализм. Я не думаю, что его надо обозначать термином "либеральная империя". Важно, что национализм не является принципиально опасной вещью. С ним надо работать, как с развивающимся живым феноменом.

В.М. Полтерович: Я не специалист по вопросам, которые здесь обсуждаются. Я экономист, но экономика сейчас – агрессивная наука. Она занимается многими вещами, в том числе и проблемой, связанной с влиянием демократии на экономический рост. Это дает мне некоторое право кое-что сказать по обсуждаемой проблеме.

Либеральные ценности (личная свобода, свобода передвижения, частная собственность) – не единственные ценности, которые надо защищать, не единственные потребности, которые надо удовлетворять. О потребности в предмете гордости, о праве гордиться своей страной и своей нацией тоже надо думать. И если одни больше ценят свободу, а другие более склонны к патриотизму, – это реальность, с которой надо считаться. Если мы хотим организовать справедливое общество, мы должны думать и о тех и о других. В связи с этим возникает вопрос, почему потерпел неудачу тот проект создания справедливого общества, который был задуман в конце 1980-х гг. и осуществлялся в 1990-е гг. Я бы назвал здесь две главные причины, две иллюзии, которые существовали в тот период: 1) достаточно ввести правильные законы, и общество быстро изменится; 2) демократия и рынок всегда поддерживают друг друга.

Имеется довольно много эмпирических работ с использованием эконометрики, которые показывают, что уровень демократии и уровень благосостояния отнюдь не связаны друг с другом монотонной зависимостью. Чтобы демократия была эффективной, нужно гражданское общество. Нет такой дилеммы – государство или рынок. В действительности *и рынок, и демократия могут работать только в том случае, если в обществе развиты институты регулирования и саморегулирования, если государство может передать часть своих полномочий институтам гражданского общества*. А институты гражданского общества зависят от состояния массовой культуры и не строятся в одночасье, они требуют значительных капиталовложений. Поэтому основной задачей оказывается построение гражданского общества, а не какой-то империи.

Слова – не пустой звук. Если мы начинаем строить империю, пусть даже либеральную, мы неизбежно приходим к опасности и, может быть, к реализации тоталитаризма или авторитаризма и вновь будем проходить тот же самый неудачный цикл, ставший причиной неудовлетворенности народных масс, не получивших ни свободы, ни благосостояния. Я думаю, что мы должны поставить перед собой задачу построения гражданского общества, в котором и те, кто больше всего любят свободу, и те, кто предпочитают быть патриотами, могли бы реализовать свои устремления и потребности.

О.Р. Лацис: М. Урнов сформулировал нашу задачу скромно: находясь в меньшинстве, быть честными перед собой и думать о следующих поколениях. Будучи честными перед собой, я бы сказал, что на последних выборах мы все-таки уступили "Родине" не только идею державности. Я думаю, что "Родина" приобрела не то, что потеряли люди либеральных взглядов. Этот блок жульнически отхватил кусок далеко не либеральной державности электората КПРФ, не более того. Не нам его возвращать, но нам надо об этом очень серьезно подумать, ибо людей с такими державными, более того – национал-социалистическими, взглядами в стране много.

Экономическое и социальное положение в России на протяжении всей путинской эпохи уникально. Такого везения не было ни при М. Горбачеве, ни при Л. Брежневле. Но при малейшем осложнении на улицы может выйти и толпа, которая сейчас пишет на заборах лозунги "За Родину, за Глазьева!", "Азеров вон из России!", и тогда окажется, что мы будем рады установлению полицейского государства, которое сможет обеспечить порядок и защиту. Я с интересом прослушал рассуждения о том, какой были российская и советская империи, какие вообще бывают империи, но все это совершенно не важно. Существенно другое: что мерещится людям, для которых имперская идея – всего лишь ностальгический миф? Они напридумывают себе таких, каких им хочется, снов под слова о либеральной или о любой другой империи, и наши научные объяснения при этом не будут иметь никакого значения. Настоящее значение приобретает эта ксенофобская толпа. Вряд ли, конечно, государство позволит ей взять власть, толпа и не может быть властью, но на этом фоне власть будет установлена такая, что мало никому не покажется. Всерьез надо бояться именно этого.

С.С. Митрохин: О патриотизме и национализме здесь говорят как о явлениях одного порядка, мне кажется, что это не вполне правильно. Я бы начал с ответа на вопрос, какой тип нации может сложиться в России – гражданский или государство подданных. С моей точки зрения, сейчас в России складывается государство подданных.

Сообщество равных и свободных граждан, объединенных общими идеями, целями и, что самое главное, готовых взять ответственность за их реализацию, ответственность за страну, называется гражданским типом нации. Именно из такого понятия нации и вытекает цивилизованный гражданский патриотизм. Что касается национализма, то опять-таки я бы считал, что ключевым здесь является понятие ответственности. Национализм – течение, предполагающее, что граждане слагают с себя ответственность и переключаются на вождя или на государство, на некую ведущую силу. Именно поэтому власть националистических вождей абсолютна и непрерываема.

Если обратиться к результатам парламентских выборов, то очевидно, что партии, которые шли на них с лозунгами гражданского патриотизма, исходили из того, что есть гражданская часть населения, готовая к такому типу взаимоотношений друг с другом и с властью, потерпели фиаско, ибо таких людей оказалось исключительно мало. Остальная часть населения продемонстрировала подданническую психологию, в чем выразился успех партии власти и националистов.

Здесь правильно говорилось о роли элиты, о роли бюрократии в этом процессе. Если речь идет о гражданской нации, то, естественно, элита и бюрократия несут ответственность перед населением, ставят перед ним некие национальные задачи, формулируют национальные ценности и ведут страну по определенному пути, в том числе по пути формирования гражданской нации. В подданническом государстве происходят другие процессы. Бюрократия преследует исключительно собственные цели. Именно это происходит сейчас, когда фактически психология российской бюрократии представляет собой психологию руководства закрытого акционерного общества, взявшего страну в концессию на 8 лет, а потом оно будет решать, как дальше продлевать эту концессию. И правы те, кто говорит, что на фоне угрозы агрессивного национализма бюрократия даже в чем-то выигрывает, не идя на поводу у таких настроений, но она заинтересована в том, чтобы эти настроения регулировать. У нас был термин "управляемая демократия", но он как-то не прижился. То, что появилось сейчас, – "управляемый национализм".

Термин "либеральная империя" мне кажется несостоятельным в первую очередь с научной точки зрения, потому что если государство не захватывает территории, не нарушает суверенитета других стран, оно не может называться империей. Термин "либеральная империя" несостоятелен даже с логической точки зрения, но он несет определенную опасность. Когда Чубайс говорит о том, что нужен агрессивный бизнес в странах СНГ, возникает опасность впасть в соблазн территориальной экспансии. Экспансия вовне означает отсутствие решений внутренних проблем. И, кстати, эта опасность уже в России реализовалась, когда вместо того, чтобы бороться за свободу внутри страны, те, кто хотел свободы, просто бежали туда, где ее никто не нарушал, и там проявляли свое свободолобие. Почему бы, например, российскому бизнесу для начала не проявить агрессивность по отношению к собственному государству, которое сейчас его давит? С точки зрения идеологии "либеральный империализм" представляет определенную угрозу для национальных меньшинств. Сам термин нагружен негативными аллюзиями, и это в первую очередь может сказаться на межнациональных отношениях внутри страны. Что касается стран СНГ, то такая идеология будет их раздражать и отталкивать, и вместо интеграции постсоветского пространства мы получим его дезинтеграцию.

Д.В. Драгунский: Как генералы готовятся к прошлым войнам, так политики сейчас готовятся к прошлому веку. Мне кажется, что сами идеи империи и нации согражданства не совсем актуальны. Нам следовало бы специально собраться и подумать о том, что *мы сейчас живем в какой-то другой реальности, в постгосударственной или негосударственной*. Потому что в стране существует огромное количество действующих лиц: армия, спецслужбы, крупный бизнес, наркотрафикеры, армсмаглеры и др. Тут обращаются огромные суммы денег, имеется огромное политическое влияние, которое, наконец, отняло у государства монополию на насильственное принуждение.

Мы живем в негосударственной реальности. В связи с этим интересно было бы подумать, как будут развиваться дальше отношения в стране, в том числе и межнациональные, в условиях, когда о государстве говорить уже поздно. Можно выдвинуть лозунг "Восстановим государство!", но мне кажется, что общество стало уже столь дифференцированным и механизмы альтернативных норм зашли настолько далеко, что мы уже проскочили этот этап. Я не хочу сказать, что мы "впереди планеты всей", но вот об этом парагосударственном существовании и парагосударственном измерении национального вопроса стоило бы поговорить.

Е.Г. Ясин: Мы представляем слой общества, который не принадлежит к среднему классу, а относится, скорее, к старому понятию интеллигенция, интеллектуалы, которые большей частью тяготеют к либеральным взглядам. И принципиальный вопрос заключается в том, что в сложившейся ситуации должны делать мы, либералы, являющиеся патриотами своей страны, желающие видеть Россию страной свободных людей?

Сегодня совершенно ясно, что одних экономических реформ мало, проблема уже находится не в этой области. Мне кажется, что мы должны искать ответ на этот главный вопрос. Я полагаю, что в широкой аудитории ответы на эти вопросы не найти. Они приходят тогда, когда люди, посетив одну, вторую, третью дискуссию, остаются наедине с собой, начинают думать и к ним приходят новые идеи. Потом люди делятся ими с коллегами, так начинается распространение свежих идей. Но мне кажется, что Урнов прав: укоренение либеральных ценностей в массовом сознании – это история долгая, и мы должны настроиться на перспективу. Я полагаю, что для нас это теперь категорический императив.